

утомленными глазами смотрѣла на дорогу, прикрываясь отъ солнца краснымъ шелковымъ зонтикомъ.

Впереди она увидѣла бѣлый картузь и чуть не выскочила изъ фэтона.

— Ѳедоръ Игнатьичъ!

Онъ остановился и, улыбаясь, повернулъ къ ней лицо.

— А!!

— Откуда вы?—спросила Варвара Тихоновна.

— По обыкновенію, изъ больницы! Раиса Николаевна! Хотите-ли—побѣжимъ? Кто кого догонитъ, тотъ и будетъ первый... Выбѣжайте!

— Стой, Петръ!

Варвара Тихоновна поѣхала дальше, а молодые люди взялись за руки и смотрѣли другъ на друга.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы хотите бѣгать?—спросила дѣвушка.—Ужасно круто!

Ѳедоръ Игнатьичъ придавъ глазамъ глубокомысленное выраженіе, голосу отбѣнокъ добродушнаго юмора и заговорилъ какъ Никодимъ Павловичъ:

— Ничего не слѣдуетъ дѣлать проста. Эта крутая дорога пусть будетъ прообразомъ жизни, которую мы сами себѣ избираемъ. Если намъ трудно покажется бѣжать, значить, мы еще не способны быть мужемъ и женой... Поэтому будемъ стараться... А такъ какъ тамаш уже далеко и мы рѣшительно одни, то, можетъ быть, мы поцѣловались бы?

— Не надо,—сказала она со смѣхомъ.—Но, Боже мой, вылитый Никодимъ Павловичъ! Кому же первому бѣжать? Я хочу испытать свои силы... Разъ, два, три!

Платье зашуршало. Раиса бросилась впередъ. Она бѣжала, наклонивъ голову, и дѣлала мелкіе шажки. Бѣжала она неутомимо, опасаясь остановиться. Гранковскій скоро отсталъ. Она была уже возлѣ усадьбы и, сдѣлавъ, при помощи зонтика, послѣдній шагъ, сѣла на траву. Сердце ея билось такъ, что она не могла сказать ни слова. Она съ торжествомъ глядѣла на жениха, который былъ еще далеко, но уже выбился изъ силъ. Онъ не бѣжалъ, а шель, едва передвигая ноги, и снявъ картузь. По его лицу струился потъ крупными каплями.

— Нѣтъ, я не могу такъ бѣгать, рѣшительно не могу!—проговорилъ онъ, подходя и опускаясь на траву возлѣ Раисы.

Она приложила руку къ сердцу и прерывающимся голосомъ сказала:

— А чтò изъ этого слѣдуетъ?